

ОТ АВТОРА
ГРОЗОВЫХ ВОРОТ

Александр Тамоников

Честь офицера

Александр Александрович Тамоников

Честь офицера

Серия «Тамоников. Честь имею»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161824
Тамоников А. Честь офицера. Повести.: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-02926-5

Аннотация

Террорист на выдумки хитер. Чеченский террорист – вдвойне. Кто бы подумал, что в тихом Переславле свили гнездо боевики полевого командира Алимхана. Их цель – потрясти российские города серией устрашающих терактов. Для этого есть все: оружие, взрывчатка, деньги, фанатики-камикадзе. Но ветеран-"афганец" Николай Рыбанов знает, что честь офицера – оружие посильней взрывчатки. Он умеет смотреть в глаза смерти, только не любит встречаться с ней взглядом. Пускай это делают боевики, а он им поможет...

Содержание

Александр Тамоников	4
ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Тамоников

Честь офицера

ГЛАВА 1

Апрельский вечер выдался дождливым. Словно не весна утверждалась в своих правах, а передала их осени, вопреки законам природы.

Человек, вышедший из ночного бара, зонта при себе не имел и на стоянку такси не пошел. Он, слегка покачиваясь, стоял под навесом, уверенный, что подберут: нынче никому деньги не лишние.

Ждать пришлось недолго.

К входу подъехала тонированная «девятка». Опустилось стекло переднего пассажира:

– Далеко ехать, дарагой? – спросил грубый голос с резко выраженным кавказским акцентом.

– До Большой Рощи! – ответил человек из бара.

– Полтинник платишь?

– Какой вопрос?

Человек удивился, что с него так мало запросили, обычно проезд отсюда до дома обходился ему в сто рублей. Кавказец тем временем пригласил:

– Садись, да?

Человек быстро пробежал до автомобиля. Кроме него на заднем сиденье сидел еще один мужчина, демонстративно не обращавший внимания на соседа, отвернувшийся к окну.

Чувство тревоги, правда, приглушенное изрядной дозой спиртного, подало знак опасности, но давать задний ход было поздно.

Машина резво развернулась и так же резво понеслась по пустым улицам Переславля. Сидевший впереди кавказец обернулся, спросил улыбаясь:

– Погулял, да?

– Погулял! – ответил человек из бара.

Кавказец устроился поудобнее:

– Почему один ушел? Зачем девочку не брал с собой?

– В следующий раз, сегодня не до этого было!

– Э-э! Как так? До этого всегда должен быть, если ты настоящий мужик! Без девочка зачем кабак? Пить водка можно и дома! Главное, проститутка! В ней кайф!

Человек промолчал.

Кавказец отвернулся. Машина остановилась у светофора. Остановилась в крайнем левом ряду, ожидая включения разрешающей поворот стрелки. А в Большую Рошу надо ехать прямо. Человек спросил:

– А чего вы решили круг давать?

Пассажир с переднего сиденья, не поворачиваясь, поднял согнутую в локте руку:

– Али! Объясни клиенту что к чему!

И тут же человек из бара получил сильный удар в голову. Мгновенно провалился в беспамятство. Али доложил:

– Готово, Заид!

– Ништяк!

Заид посмотрел на часы, передал назад бутылку водки.

– Влей, Али, этому лоху половину пузыря в пасть. Смотри, чтобы не захлебнулся! Хотя и захлебнется, не большой беда будет!

Чеченец, вырубивший пассажира, выполнил приказ.

Последний обратился к водителю:

– Айса! Давай, пройди не спеша по кругу через площадь и спортивный комплекс и выходи на переезд, оттуда к условленному месту!

«Девятка», не превышая разрешенной скорости в шестьдесят километров в час, пошла по указанному маршруту.

Вскоре машина, сделав приличный крюк, вышла из города на объездную трассу и, пройдя по ней с километр, вновь повернула налево. Там, где поворот был обозначен стоящей на обочине серой «Газелью». В проулок между гаражными кооперативами. Проезд, скрытый от глаз охраны гаражей густыми, еще не распустившимися зарослями акации и ровными рядами берез.

Водитель легкового автомобиля, погасив свет и выключив двигатель, накатом подвел «девятку» почти к самой железнодорожной насыпи, остановившись еще у одной темной

«Газели».

Из фургона тут же вышел бородатый мужчина в длинном кожаном плаще и кепке. К нему навстречу поспешил и старший «девятки».

Мужчина в плаще, не здороваясь, спросил:

– Ну как, Заид? Куклу привез?

– А как же, шеф?

– Мужика, бабу?

– Мужика, вон на заднем сиденье отдыхает. Возле бара «Бэлла» подобрали.

– Как брали его, видел кто?

– Ай, кто может видеть в такой погода? Дождь! Он сам прыгнул в свой могил!

– Хорошо!

Человек в плаще посмотрел на часы. Опустил рукав, прикрывая сигарету тонкой перчаткой, закурил. Рядом молча стоял Заид. Спустя несколько минут человек в плаще, или шеф, как назвал его Заид, приказал:

– Куклу наверх! Время!

Заид метнулся к «девятке». С напарником, так и сидевшим до сих пор на заднем сиденье, они вынесли человека из бара. Подняли его по насыпи и уложили на рельсы среднего пути. Заид связал тело. Вернулся вниз.

Шеф бросил:

– Свободны!

Пассажиры «девятки» быстро заняли свои места, и та,

развернувшись, скрылась в проезде.

Человек в плаще еще раз посмотрел на часы, сел в кабину машины.

– Вперед, до выезда на трассу! – отдал он команду водителю.

Темная «Газель» остановилась у проезда.

Человек в плаще направился к серому фургону, мигающему фонарями аварийной остановки.

Подошел к водителю, открыв дверку, спросил:

– Ты готов, Быцо?

– Да, господин!

– Ты понимаешь, что становишься героем? Твоя предстоящая работа священна! Аллах вознаградит тебя за самоотверженность, а семья получит все, что пожелает! Вечная слава и почет ждут тебя после смерти! Ты только не подведи!

– Я не подведу, Артур!

Человека в плаще впервые назвали по имени.

– Мне пора?

Глаза молодого парня горели неестественным огнем, наверное, недавно он вколол себе приличную дозу героина. Ну что ж, в его положении это даже неплохо!

Человек в плаще ответил:

– Езжай, Быцо, потихоньку. Когда следует выйти на пост ГАИ, ты знаешь. Прощай, джигит! Да возвеличится имя твое на века вечные, истинный слуга Аллаха!

Он закрыл дверь фургона, убедился, что Быцо начал дви-

жение, вернулся к темной «Газели» и коротко приказал:
– Ждем!

Грузовой железнодорожный состав сбавил скорость, выйдя на насыпь. Справа открылся светящийся огнями новый микрорайон.

Машинист посмотрел на часы. График движения соблюдался, до остановки десять километров. Он отвернулся достать из куртки пачку сигарет, когда услышал голос помощника, молодого паренька, впервые вышедшего в самостоятельный рейс:

– Дядь Володь! На путях что-то лежит! Поперек рельсов! Никак человек!

Машинист резко повернулся:

– Где?

И, увидев приближающееся препятствие, крикнул:

– Ах ты, мать твою! Экстренное торможение!

Состав, состоящий из наполненных горючим разных сортов и марок цистерн, начал резко снижать скорость, издавая отчаянный визг от трения металла по металлу.

Остановился он метрах в шести от человека, чей силуэт теперь четко угадывался в свете мощного прожектора. Машинист приказал:

– Ну-ка, Василь, сбегай, глянь, чего там? А я свяжусь с диспетчером.

Но ни машинист, ни его молодой помощник ничего не

успели предпринять. Как только Василь открыл дверь кабины, пуля девятого калибра, выпущенная из бесшумного пистолета-пулемета «бизон», попав ему в правый глаз, отбросила помощника на машиниста. И сразу же в проеме появился неизвестный.

Раздался второй выстрел, больше напоминающий хлопок петарды, и машинист, с простреленным седым виском, ударился о стойку окна!

Неизвестный поднес ко рту портативную рацию, произнес:

– Баки! Я, Довлет, в кабине порядок! Работай!

Довлет выпустил очередь по пульту управления тепловозом, выводя из строя и средства связи локомотива. Выпрыгнул из кабины, захлопнув за собой дверь кабины машинистов.

По склонам насыпи к стоящему составу бросилось несколько человек, на бегу прикрепляя к цистернам взрывчатку. Выполнив свою работу, они спустились к проезду между гаражами и побежали к ожидающей их темной «Газели». Только один обошел тепловоз, подошел к связанному человеку из бара. Тот лежал ничком, лицом вниз. Баки, а это был руководитель диверсионной группы, дважды выстрелил в затылок неизвестному связанному мужчине.

Как и остальные боевики его группы, прыгнул в темноту насыпи.

Вскоре темная «Газель» приняла на борт группу боеви-

ков. Те быстро заложили боковую дверь коробками из-под сигарет, дали сигнал в кабину.

Фургон вышел на трассу, свернул в сторону, противоположную той, куда ушла серая «Газель». Когда фургон прошел перекресток у моста, человек в плаще, сидящий на переднем сиденье, достал пульт дистанционного управления, нажал на кнопку.

Сзади на насыпи, где стоял обреченный грузовой состав, поднялось огненное облако, осветив всю округу, затем последовал оглушительный взрыв. За ним череда взрывов.

Цистерны начали рваться по цепи, одна за другой, выплескивая на стоящие внизу гаражи реки огненной лавы. В близлежащих домах микрорайона повывлетали стекла окон лоджий и балконов!

А темная «Газель» все дальше уходила по городу, на окраину, пока в темном и тихом переулке не остановилась напротив ворот продовольственной базы. Железные створки отворились, и фургон скрылся за бетонным забором.

Серый же фургон продолжал движение к посту ГАИ на въезде в город со стороны объездной дороги.

Водитель увидел, как слева навстречу проследовал грузовой состав.

Быцо немного увеличил скорость, поправил сползший к краю сиденья автомат. Он все время шептал молитвы, еле шевеля губами.

Скоро его имя станет священным, народ будет считать его

героем, а семья наконец-то выберется из надоевшей нищеты. Готов ли он к смерти?

Да! К *такой* смерти он готов, и умрет во славу Аллаха.

Гяуры узнают, что горцы непобедимы! Для чеченца нет страха, для чеченца нет преград в исполнении своих планов, для чеченца смерть во имя Аллаха – высшая награда в этой жизни! Для чеченца священен джихад и данное им слово!

Быцо уже видел пост и вышедших на правую сторону двоих инспекторов. Слева, за поворотом, остался еще один гаишник в паре с бойцом ОМОНа. Усиленный на ночь пост. С машиной за углом здания.

Внезапно сзади яркой вспышкой полыхнуло пламя и раздались взрывы, их было много!

Милиционеры, казалось, оцепенели. Глядя туда, откуда, набирая скорость, шла серая «Газель».

Что, однако, не помешало им быстро прийти в себя и продолжить несение службы. Отмашка инспектора означала приказ на остановку. Быцо же, резко увеличив скорость, вильнул фургоном вправо на обочину, сбивая милиционера. Второй успел прыгнуть в кювет! И тут же по машине градом застучали пули. Милиционеры открыли огонь на поражение. Быцо резко остановил автомобиль. От поста к нему рванулась, мигая маяками, «Волга» патрульно-постовой службы.

Кавказец взял автомат, открыл дверь, высунул ствол наружу, выстрелил по машине. Закрыв дверь, замкнув провода взрывного устройства. Теперь открывать ее было нельзя,

разрыв контакта повлечет за собой мощный взрыв! «Волга» остановилась. Быцо в зеркало заднего вида следил за патрулем. Вдали полыхал сильный пожар. Двое инспекторов, третий был серьезно ранен ударом машины, и омоновец вероятнее всего уже вызвали подкрепление. А сами держат дистанцию, не решаются, шакалы, идти на штурм втроем под огонь его автомата. Что ж, так и было задумано. Скоро должны появиться значительные и отборные силы милиции, и тогда произойдет то, что должно произойти!

Быцо оказался прав.

Из города через пост вылетел специальный «ЗиЛ» с зарешеченными окнами и лобовым стеклом.

– А вот и ОМОН, – спокойно произнес Быцо. – Милости прошу, мусора, в ад!

Машина отряда спецназа остановилась рядом с «Волгой». Из ее будки высыпала на асфальт группа захвата, человек десять. Она тут же, разделившись, рассыпалась по кюветам дороги, обходя «Газель».

Раздались первые их выстрелы.

Машина осела, скаты были пробиты.

Быцо опустил ветровое стекло, не целясь, дал длинную очередь по левой от себя стороне. Ударили и по нему! Рассыпалось лобовое стекло, что-то ужалило в плечо, грудь.

Последнее, что увидел кавказец, это выкатившегося на середину дороги человека в камуфляжной форме, выстрелившего в него трассерами. И огненные струи, мгновенно вон-

жившиеся в его голову!

Убедившись в точности поражения водителя «Газели», боец, стрелявший с дороги, поднялся. Пошел к машине. Из кюветов вышли и остальные члены группы захвата, они окружили фургон, подъехала и «Волга». Командир группы осветил фонарем кабину.

За рулем, откинув изуродованное пулями лицо, неподвижно сидел тот, кто решил прорваться через пост ГАИ. Но не прорвался.

Капитан подошел к двери водителя, дернул за ручку...

Мощный взрыв разнес «Газель» и «Волгу» на рваные металлические куски!

Разбрасывая по асфальту и кюветам фрагменты тел бойцов местного ОМОНа.

Оставшийся на посту инспектор остолбенел.

Только что группа захвата сделала свое дело, только что «Волга» подъехала к фургону, только что люди в камуфлированной форме ходили вокруг «Газели». И вдруг... взрыв, уничтоживший их всех!

Кто привел его в действие?

Водитель «ЗиЛа», не участвовавший в захвате, вышел из кабины, встал посередине дороги, смотря на то, что осталось от его боевых друзей.

Первым пришел в себя инспектор. Он бросился на пост с вынесенными взрывной волной стеклами, доложил, сбиваясь в волнении, то, чему стал свидетелем.

К месту трагедии прибыла оперативная группа и несколько машин «Скорой помощи». Погибший наряд заменили и усилили поднятыми по тревоге сотрудниками отдыхающих смен. Дорогу с обеих сторон перекрыли двумя БТР, запрошенными и полученными из местного мотострелкового полка. Оттуда же было выставлено оцепление вокруг участка обширного и мощного пожара, вызванного взрывом железнодорожного состава. На тушение пожара администрация области бросила все силы управления МЧС.

Подполковника Великанова вызвали на место катастрофы около трех часов утра.

Он подъехал к оцеплению по московской трассе, прошел через него к машине начальника управления ФСБ. Здесь были начальник УВД, представитель МЧС, начальник военного гарнизона.

Великанов доложил о своем прибытии.

Генерал отвел его в сторону:

– Видишь, что творится, Семен Васильевич?

– Не слепой, товарищ генерал!

– Что это? Террористический акт или несчастный случай?

Железнодорожная катастрофа?

– Сейчас об этом, Георгий Матвеевич, сказать трудно. Как говорится, пятьдесят на пятьдесят! Может иметь место и диверсия, и несчастный случай. Например, возгорание дизелей тепловоза, ну и далее. А может, и взрывное устройство!

– МВД располагает информацией, что до взрыва поезд

остановился и никакого пожара нигде не было!

– Дым случайные свидетели могли в темноте и не заметить, а машинист и остановил поезд для того, чтобы своими силами погасить возгорание, что ему с помощником не удалось сделать...

– Но машинист обо всех экстремальных ситуациях должен докладывать диспетчеру, о незапланированной остановке в первую очередь. Этого ни он, ни его помощник не сделали!

К генералу Коневу, начальнику Управления ФСБ по Переславской области, подошел майор милиции:

– Извините, товарищ генерал, вас просит в штабную машину начальник УВД.

– Жди здесь, – приказал Конев Великанову, направившись в сопровождении майора к специальной машине, оборудованной под передвижной штаб по чрезвычайным ситуациям.

Семен закурил.

Начали появляться журналисты, но плотное кольцо оцепления не дало им возможности приблизиться к месту катастрофы, и они устремились в проснувшиеся близлежащие жилые дома.

Генерал вернулся через полчаса.

Хмурый, озабоченный.

Великанов спросил:

– Плохие новости, Георгий Матвеевич?

– Плохие! То, что произошло, – террористический акт, и не один!

– Не один? Как вас понимать?

– Группа спасателей МЧС прорвалась к тепловозу. Состав остановило тело неизвестного человека! Он сильно обгорел, не узнать, мужчина это или женщина, как до неузнаваемости обгорели и машинист с помощником в кабине локомотива. Но черепа остались целы. В них дырки от пуль! Вот так, Семен! Состав был остановлен и немедленно атакован. После уничтожения людей диверсанты заминировали несколько цистерн. Ну а остальное, я думаю, объяснять излишне. Но это не все! Сразу же после взрыва поезда одиночкой-самубийцей был атакован пост ГАИ на въезде в город со стороны объездной дороги. ОМОН блокировал напавшего и уничтожил его. Но при вскрытии кабины «Газель», на которой действовал камикадзе, взорвалась! Четырнадцать человек, не считая террориста, разнесло на куски!

– Ничего себе. Да, дела...

Великанов был поражен. Генерал продолжил:

– Там у милиции имеется еще кое-какая информация, но полная картина трагедии станет ясна после того, как пожарники потушат огонь, эксперты сделают заключение и весь материал будет систематизирован и проанализирован. Раз УВД начало эту работу, пусть продолжают. В дальнейшем весь материал они передадут нам. И ты, главный региональный борец с терроризмом, должен будешь провести тщатель-

ное расследование. Для СМИ пока никаких фактов, лишь размытые предположения. С составом можно использовать версию катастрофы. С событиями на посту сложнее. Труднее будет объяснить неожиданную агрессию этого одиночки. Тут, хотя бы для начала, надо выработать такую тактику, чтобы не всполошить население. Типа, трагедия произошла при проведении плановой операции по обезвреживанию банды вооруженных террористов, прорывавшихся в город. Но, признаться, подполковник, ничего подобного я не ожидал. И это плохо! Я не о погонах с лампасами, черт бы с ними, снимут, заслужил! Дело в другом! Не перешли ли чеченцы к широкомасштабному террору по всей стране? Они давно обещали утопить Россию в крови. Не были бы эти два случая – «Норд-Ост» в Москве я не считаю, там произошло нечто другое – первыми акциями в их замысле?

Великанову нечего было ответить. Генерал тяжело вздохнул:

– Ладно. Сейчас отдыхай. В 14.00 у меня в кабинете соберутся руководители всех силовых ведомств области, будет губернатор. На совещании должен присутствовать и ты! Все! Здесь нам больше делать нечего, разъехались!

С тяжелым чувством вернулся домой подполковник Великанов.

Опасения генерала имели под собой основу. И основу реальную. А значит, дни наступают трудные.

Еще один террористический акт, да если еще и с мно-

гочисленными человеческими жертвами, может привести к непредсказуемым последствиям. Его допустить нельзя!

Великанов уснул только к утру, если сном можно назвать короткое тревожное забытие.

Но в 14.00 он, в полной форме, сосредоточенный и готовый к действиям, вошел в кабинет генерала Конева.

ГЛАВА 2

Николай проснулся в 6.00, как делал это всегда, независимо от того, какой предстоял день, рабочий или выходной.

Он проснулся и сразу же почувствовал – погода наконец изменилась. Не было жары!

Рыбанов встал, в одних плавках подошел к окну, посмотрел на термометр, висевший за стеклом. Так и есть! Вместо обычных за последние недели 28 – 30 градусов выше нуля прибор показывал всего двадцать два. И по улицам гулял ветер, разогнавший удушливый смог горящих в окрестностях торфяников и лесов. Николай раздвинул простенькие шторы, раскрыл окно спальни, если таковой можно было назвать комнату, весь интерьер которой составляла двуспальная кровать да небольшой коврик.

В лицо сразу же ударила приятная свежесть.

Старая береза, воспользовавшись случаем, устремила свои ветви в жилище Рыбанова. Ее когда-то посадил сам Николай. Давно, в день выпуска из военного училища. И росло дерево уже двадцать два года! Подумать только, двадцать с лишним лет разделяло его сейчас от того солнечного, но не жаркого июльского дня восьмидесятого года, когда здесь, в этой квартире, тогда еще веселой, уютной и праздничной, он, Рыбанов Николай Андреевич, впервые надел парадную форму лейтенанта воздушно-десантных войск.

И здесь же, после торжественного выпуска на центральной площади города, но перед тем, как пойти в снятое на вечер кафе, они, закадычные друзья Николай Рыбанов, Сеня Великанов и Лешка Фомин, обмыли свои первые звездочки под радостные аплодисменты будущей жены Николая Надежды! Даже, можно сказать, не будущей, а настоящей супруги, так как свадьба была назначена на следующий день и с неделю, если не больше, они жили вместе! На это событие уже прибыло много родственников как с его, так и с ее стороны, радовавшихся удачному браку и включившихся в праздник. Квартира гудела как улей! Кругом царили смех, радость, счастье!

Вот тут, на этом самом подоконнике, они, состоявшиеся офицеры, и распили бутылку шампанского со звездами на дне огромных фужеров.

А потом еще живой отец, также кадровый военный – полковник в отставке, пригласил молодых людей вниз, на улицу, где Николай и посадил маленькую березку. Чтобы навсегда оставить в памяти эти необыкновенные дни. Дни, когда и Рыбанов-младший стал офицером и главой семьи!

Да, тогда еще радость жила в этом доме, как и жила она у соседей, родителей Лехи Фомина. Его одноклассника, однокурсника и однополчанина, как потом оказалось. Сеня же отправился продолжать учебу в какое-то заведение КГБ, но и его судьба привела в тот полк специального назначения, где служили Рыбанов с Фоминым.

Как давно, и в то же время будто вчера, все это было?!

Но прошли десятилетия, и все изменилось.

Сейчас Рыбанов не был офицером, хотя по возрасту мог еще служить, сейчас он не был женат, да и квартира, когда-то казавшаяся тесной, опустела.

После развода Надя переехала к своему новому мужу. Рыбанов настаивал, чтобы она забрала с собой и всю мебель. Она отказалась. Но и он не хотел, чтобы хоть что-то в квартире напоминало об их совместной жизни. Надежда осталась непреклонна, она просто ушла, а Николай нанял грузовик с грузчиками и вывез все на свалку. Такой уж был у него характер!

Теперь квартира практически пустовала. Старый шифоньер, платяной шкаф, телевизор, катушечный еще магнитофон, софа, пара кресел и настенный ковер – все, что осталось от покойных родителей. Это в зале. Во второй комнате – спальня, а в третьей вообще ничего не было. На кухне, в соседстве со столом и двумя табуретами, тарахтел древний холодильник «Орск», приобретенный еще до появления на свет самого Рыбанова.

Вот что сейчас представляло собой некогда наполненное счастьем любящих друг друга людей жилище капитана запаса...

Одно оставалось постоянным в квартире – чистота! Приученный к порядку, Николай следил за ней так, как не следят самые чистоплотные домохозяйки.

Рыбанов побрился, принял душ, надел джинсы и майку, прошел на кухню. Перекусил бутербродом с чаем, закурил.

Сегодня было воскресенье, 21 июля 2002 года, и этот день принадлежал Лехе.

Николай, взяв с вечера приготовленную спортивную сумку, вышел из дома.

На малом рынке купил у старушек два небольших венка и четыре гвоздики, сел в трамвай, который доставил его к городскому кладбищу.

Прошел к могилам отца и матери, постоял молча. С гранитных плит, увенчанных небольшими крестами, на которые Николай повесил венки, на него как-то сожалеюще смотрела мать, сурово – отец. Они словно осуждали его, в то же время жалея. За что? За то, что он так бездарно прожил половину своей жизни? За то, что потерял все, что можно было потерять? Что ж, они были правы. Родители в отношении детей всегда правы.

Николай поклонился могилам, вышел на центральную аллею.

Ветер усиливался, но был теплым, и все же приближение то ли ливня, то ли грозы ощущалось. Воздух был насыщен влагой. Да и после нескольких недель настоящего пекла, в котором испарение озер и рек шло интенсивно, скопившаяся наверху вода просто не имела другого выхода, кроме как обрушиться обратно на землю, подтверждая этим закон круговорота воды в природе.

Лишь бы это произошло не сейчас, не в ближайшие часы. Но птицы еще летали высоко, ветер гнал рваные облака. Раскатов грома не слышно. Поэтому, судя по всему, живительного дождя ранее чем через несколько часов ждать не приходилось.

Сойдя с аллеи, Николай прошел по узкой дорожке к высокому обелиску с красной звездой на вершине.

Снял цепь каменной ограды, положил на плиту цветы, встал перед памятником.

С фотографии ему улыбался так и оставшийся навсегда двадцатичетырехлетним Леша Фомин. Надпись внизу блестела позолоченными буквами:

Гвардии старший лейтенант ВДВ

ФОМИН АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ

22.05.59 – 21.07.83

Трагически погиб при исполнении

интернационального долга

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Могила друга была ухожена, рядом скамейка с маленьким столиком.

Николай поздоровался:

– Привет, Леха!

Присел на скамейку. Достал из сумки бутылку водки, три стакана, нехитрую закуску. С минуты на минуту должен был

подойти Сеня Великанов.

Рыбанов налил один стакан, положил на него кусок черного хлеба, круто сдобренного солью, установил его к подножию обелиска. Сел на скамейку, закурил.

Подполковник областного управления федеральной службы безопасности задерживался. Ничего не поделаешь, служба. Но приедет он обязательно, хоть на секунду, но Фому в этот день навестит.

Это он, Николай, который год как птица вольная живет, что захочет, то и делает. Живет, как живется, и за жизнь такую особо не держится.

Да и ради кого было жить? Ради себя? А что ему нужно в этой жизни? ...Ничего! Лучше уж бы в том афганском ущелье, носившем название Дикое, вместо Лешки под очередь «духа» попал он, Рыбанов! А Фома жил бы! Может, у него жизнь сложилась бы? Хотя, черт его знает, что могло бы быть, а чего нет!

Николай помнил тот бой в мельчайших подробностях, потому что в нем пал его друг старший лейтенант Фомин, или Фома, как в обиходе его звали офицеры полка.

Это случилось жарким июльским днем, как раз двадцать первого числа, когда батальон, где командирами рот служили Фомин и Рыбанов, разбившись на ротные колонны, выдвигался в район боевых действий. В Дикое ущелье. Где по данным разведки сосредоточилась крупная, до трехсот штыков, группа душманов. Выдвигался с целью уничтожения

противника.

Третью роту тогда вел старший лейтенант Великанов, «особист» полка. Это было исключением из принятых правил. Подразделение, в отсутствие штатного командира, принимает его заместитель или командир первого взвода, но Сения попросился в рейд сам. Ему не отказали. Кто же ему откажет, старшему оперуполномоченному КГБ при части? Роты вышли в заданный район вовремя. Осталась малость, двум подразделениям подняться на пологие хребты, чтобы потом, пройдя небольшим маршем по вершинам ущелья и его дну, фланговыми и фронтальной атаками ударить по врагу, который находился в зоне расширения ущелья, у небольшого кишлака, в ожидании подхода дополнительных сил. Этот подход, по замыслу нашего вышестоящего командования, планировался на завтра, 22 июля, но моджахеда подошли раньше. И двести пятьдесят десантников атаковали группировку, по меньшей мере в три раза превышающую их по количеству живой силы.

Конечно, преимущество в занятии господствующих высот и внезапность атаки десантников с фронта и склонов сыграли свою роль, но кардинально переломить сложившуюся угрожающую обстановку не могли.

Десант попал в капкан.

И вырваться из него можно было, только собрав все силы в единый кулак и идя на прорыв в тыл «духов». Отход или переход к позиционному бою в ожидании сил поддерж-

ки означали бы неминуемую гибель батальона. Силы десантников таяли, а «духи» все продолжали получать подкрепление, хрен их знает, откуда бандитов черт нес! И теперь уже сами душманы занимали господствующие высоты, вытесняя десантников к кишлаку. Появились, правда, вертолеты огневой поддержки «Ми-24», но только для того, чтобы сгореть в небе от американских зенитных комплексов «стингер». Штурмовая авиация помочь ничем не могла из-за плотного контакта десантников и «духов».

Оставался один выход – прорыв, выход из ущелья и организация круговой обороны на плоскогорье. Туда можно было и выбросить помощь! И такой маневр командованием моджахедов не просчитывался, так как шансов на успех имел ничтожно мало. И противоречил всякой логике. Но маневр был применен! К тому времени погибли и комбат, и начальник штаба, и решение пришлось принимать командиру первой роты, Лехе Фомину! Он его принял, первым поднявшись в штыковую. За ним последовал и весь оставшийся в живых личный состав батальона.

И они прорвались, вышли на плато, где уже высадился второй батальон их полка, а штурмовая авиация вакуумными бомбами отработала оставших «духов».

Фома вывел людей, спас более сотни жизней молодых ребят, сам же получил смертельное ранение в голову.

Он еще жил, когда его вносили на носилках в санитарную «вертушку».

А на следующий день из полевого госпиталя пришло сообщение: гвардии старший лейтенант Фомин скончался, не приходя в себя, еще на борту вертолета. Это было жарким днем 21 июля 1983 года, когда Лехе недавно исполнилось всего двадцать четыре года и через двое суток он должен был убыть в очередной отпуск.

Вспоминая события двадцатилетней давности, Николай не заметил, как к могиле подошел Великанов.

И вздрогнул, услышав неожиданное приветствие:

– Здорово, мужики! Вот и я! Извини, Коля, прости, Леша, служба задержала.

Он обратился к Рыбанову:

– Ты давно здесь?

– Достаточно, чтобы вспомнить тот проклятый бой!

– Понятно! Наливай, что ли? У меня сегодня времени в обрез! – попросил подполковник.

Николай разлил водку по двум стаканам.

Выпили, закусили, закурили.

– Сам-то как? – спросил Николая Семен.

– Плыву по течению.

– Зря ты вот так, Коль...

– Чего зря? – вдруг окрысился Рыбанов.

– Плюнул на себя, вот чего!

– Сень! Давай договоримся, что свои проблемы я буду решать сам, а? Ты прекрасно видишь, жизнь у меня не сложилась. И что-либо изменить уже нельзя. Да я и не хочу ничего

менять, понял?

Великанов хотел перебить друга, но тот не дал:

– Не надо, Сень! Знаю, что скажешь. Что и хата есть, и здоровьем бог не обидел, и баб одиноких вокруг много... не надо! Все из перечисленного в достатке, только в душе у меня пусто. Нет цели! Прошел день, и хрен с ним! Просьба к тебе одна, сдохну, похорони рядом с Фомой? Тут и место есть, и все оформить в твоих силах!

Подполковник укоризненно покачал головой:

– Нет, Коля, у тебя точно крыша съехала! Тебе и сорока пяти нет, а ты о чем думаешь?

Николай ничего не ответил, выбросил окурок. Тут же прикурив новую сигарету, достал вторую бутылку водки, открыл ее, молча разлил.

– За что вторую выпьем, страж безопасности? – спросил он.

– За тебя! – отрезал Великанов. – Чтобы наконец прошел твой депресняк!

– Да? Ну как скажешь, за меня так за меня!

Выпили.

Подполковник о чем-то задумался.

И вообще, с самого появления здесь Сеня был каким-то не таким. Но Николай пока ничего не спрашивал, они сидели молча, курили и глядели, как ветер колышет на могильной плите ярко-красные гвоздики. Семен задумчиво произнес:

– Да...

Тут Рыбанов и спросил:

– У тебя тоже неприятности, Сень? Семья?

– А? – очнулся от раздумий подполковник. – Нет, с семьей все в порядке, Оля привет тебе передает.

– Взаимно. А чего захмурил сегодня? Или от меня заразился?

– Не говори глупостей, Коля!

Семен встал.

При его крупной комплекции долго на маленькой лавочке не просидеть. Он прошелся вдоль ближних могил, помог какой-то женщине поправить плиту памятника. Вернулся к Рыбанову, встал у столика.

Николай за это время налил в стаканы остатки второй бутылки. Семен посмотрел на спиртное, ничего не сказал.

Рыбанов спросил:

– На службе напряги, Семен?

– Да как тебе сказать...

– Как есть, так и говори, если можешь, конечно.

– Сказал бы, если мог.

– Ну тогда вздрогнем по последней?

– Давай!

– За тех, кто остался в горах Гиндукуша и Чечни!

Не чокаясь, выпили.

Подполковник спросил:

– Мне пора, Коля, тебя подвезти до дома? Я на машине.

– Спасибо, Сень, не надо, я еще посижу с Фомой. Мне

спешить некуда.

– Тогда до встречи. Спи спокойно, Леха. Мы помним тебя. А ты, Коля, как в себя придешь, позвони. На работу нормальную устрою...

Подполковник Великанов пошел к центральной аллее.

Рыбанов проводил его взглядом, пока тот не скрылся в лабиринтах кладбища.

Откуда-то сзади подошел неопрятного вида человек неопределенного возраста. Местный бомж. Спросил:

– Бутылочки пустые не позволите взять?

– Да забирай!

– А перекусить чего не найдется? Я с могил не беру, если только подаст кто!

– Голоден?

– Да!

Водка, несмотря на то что выпито было немало, особо не взяла Николая, так, непонятно что в голове. А он сегодня решил напиться. Повода не было, он ему и не нужен был, просто решил – и все! А значит, сделает! Он спросил бомжа:

– За водярой слетаешь? Тот ответил с готовностью:

– Какой базар?.. Только двадцатку бы сверху за ноги, а?

Николай предупредил:

– Принесешь пузырь, стольник дам, только смотри, не паленки какой. А двадцатку на, держи!

Он протянул бомжу восемьдесят рублей:

– Сколько ждать?

– С полчаса придется!

– Пойдет! Но насчет самопала я тебя предупредил!

– Все будет ништяк!

Бомж скрылся среди могильных крестов свежих могил в стороне, противоположной центральному входу. Видать, у этих ребят свои пути-дорожки здесь имеются.

Николай закурил очередную сигарету. Он всегда много курил, особенно когда выпивал. Улыбающийся образ Фомы вернул Рыбанова в прошлое.

Как случилось, что он стал тем, кем стал? И началось сразу же после Афгана. Когда его, боевого офицера, перевели в учебную часть, присвоив звание капитана. Он рассчитывал, пройдя войну, попасть куда-нибудь в центр или, что было бы справедливее, в Западную группу войск, за границу. А вместо этого – горный учебный центр, где семьи офицеров ютились в бараках рядом с палатками личного состава. Никаких удобств! Да что там удобств? Воды нормальной не было! Варили верблюжью колючку, пропади она пропадом! Людей желтуха да тиф косой косили. Как «афганец» подует, света нет! Да еще всякие пендинки – вроде простые комары, а укусит такая тварь, недели через две гнить начнешь. Скорпионом, гюрзой, коброй никого не удивишь, шакалы прямо к баракам ночью подходили. И жара! И днем, и ночью! С мая по октябрь на небе ни облачка. Солнце и зной! Короче, мандец полный!

Надя, правда, безропотно восприняла перевод мужа. Она

готова была вместе с ним переносить все тяготы и лишения. Но он, Рыбанов, изменился.

Николай чувствовал, что война сломала в нем что-то то, что когда-то и определяло его сущность.

Он стал жесток, без причины вспыльчив. И не столько в отношении подчиненных, сколько к Наде, никак такого отношения к себе не заслужившей. Но стать прежним Рыбанов уже не мог. Душа боевого капитана так и осталась «за речкой». Он запил. Пил с утра, днем, к вечеру приходил в свой барак на автопилоте. Надежда пыталась воздействовать на мужа, бороться за него, но натыкалась на непреступную стену отчуждения, которую воздвиг капитан. И он понимал, что катится в пропасть, но ничего не предпринимал, чтобы остановиться.

Почему?

На этот вопрос у него, да и ни у кого другого, знавшего его, ответа не было. Он пил, подав рапорт на увольнение. За него взялись политические и партийные органы. Но и им ничего не удалось сделать. Николай был невменяем.

На беседах с начальством отмалчивался, на взыскания, которые посыпались как из рога изобилия, внимания не обращал. В общем, хорошо еще, что просто уволили в запас. А то такие штуки в армии в то время могли по-разному обернуться.

И хорошо, что в родном городе была квартира родителей. Отец в то время год как умер. Они с Надей переехали в Пере-

славль. Надо отдать ей должное, супруга боролась за него до конца. И он вроде начал меняться, меньше пил, стал спокойнее, но тут новый удар – умирает мама! Новый срыв. Опять пьянки.

Никакой постоянной работы, хамское, оскорбительное отношение к Наде, как будто она была причиной всех его неудач. Рыбанов прекрасно понимал, что во всем виноват сам, но непонятно и необъяснимо, словно назло кому-то продолжал... А такая жизнь не могла не привести семью к краху. Так оно и вышло.

Пришло время, и Надя призналась, что уходит к другому человеку.

Сказала честно и открыто.

Ему бы удержать ее, но Николай ответил, что она может делать, что хочет. Она ушла.

Разлуку переживал тяжело. Ревность и обида душили его. Но, как говорится, поезд ушел, вокзал опустел!

Почему сейчас Рыбанов вспомнил о Наде? Может, из-за того, что и с ней жизнь обошлась жестоко?

Уйдя от него, Надя обрела то, что стремилась создать с ним, – семью! С новым мужем, неким предпринимателем Карауловым. Летом 85-го года она родила сына. Он еще тогда подумал: и полгода не прошло, как они разошлись, а она уже обзавелась ребенком. С Рыбановым, значит, она детей не хотела иметь, а с другим – раз, и все дела! После этого Николай поплыл по течению, с каждым днем приближаясь

к смертельному водопаду. У него были проблески, он сходился с женщинами, но ни с одной не ужился. А тут еще и деньги кончились. А кому он нужен без денег? Он ведь существовал на деньги от проданного в деревне дома деда. Потом пришлось искать работу, и он устроился грузчиком на продовольственной базе. Никуда больше его не брали. Но он этому не придавал значения. Платили неплохо, а работы он не боялся.

Странно, как за столь продолжительный период употребления алкоголя он не спился.

Рыбанов по-прежнему утром был легок на подъем. Не похмелялся и не болел. Пил больше по привычке и от одиночества, на которое сам обрек себя.

Катастрофа в жизни Нади произошла по вине случая.

Машина, на которой она с мужем возвращалась с дачи, потеряла управление, попав на битум, разлитый по дороге. Автомобиль вынесло на встречную полосу, прямо под «КамАЗ». Муж погиб сразу, Надя получила травмы, от которых стала инвалидом. Николай, узнав о несчастье, хотел навестить ее в больнице, но в последний момент не решился. А потом, когда она поднялась и смогла продолжить работу в школе, встреча потеряла всякий смысл. Хотя однажды, посетив кладбище в день рождения матери, Николай увидел ее. Она шла по центральной аллее, неся в руке две орхидеи.

Рыбанов мог бы ее окликнуть, поговорить, но и тут что-то помешало ему это сделать. Что? Боязнь, что Надя не так его

поймет? Может быть. И Николай не окликнул ее, а в сердце заныла боль. И водка эту боль не перебила. Больше он Надю не видел. Но печальный и такой любимый образ Нади теперь часто вставал перед ним.

Николай посмотрел на фотографию Фомина, проговорил:
– Вот такие дела, Леха!

За кладбищем начали сгущаться тучи. Он прикинул: если ветер не изменит направления или не стихнет, то дождя часа через два не избежать.

Николай посмотрел на часы. Полчаса прошли.

Куда же провалился гонец?

Схватил «бабки» и был таков? Ну и черт с ним! Рыбанов ждет еще пятнадцать минут. Потом домой. В свою трехкомнатную тюрьму!

Бомж появился через десять минут, весь в мыле.

– Вот, господин хороший, и водочка, – с отдышкой доложил он. – Казенная, «Губернатор»! В магазине брал, даже чек принес, чтоб без сомнений!

– Молодец! Держи свои деньги, ты их честно отработал, и все, что из закуски осталось, забирай!

– Спасибо, вам вопрос можно?

– Давай.

– Извините, здесь ваш друг похоронен или родственник?

– Друг. Воевали вместе. В Афгане. Мне повезло, ему – нет.

Бомж горестно, с искренним сожалением вздохнул:

– Что ж поделатъ? Война – дело такое. Хотя еще неизвестно, кому повезло больше, тому, кто остался там навсегда, или тому, кому пришлось дожить до этих проклятых времен.

Николай внимательно взглянул на бездомного.

– Ты прав...

Он решил идти домой. Тучи все гуще обкладывали город, ветер усиливался.

Бомж ушел, Николай положил бутылку в опустевшую сумку, попрощался с другом:

– Пойду я, Фома. Спи спокойно. Придет время, глядишь, и встретимся, если... будет где встречаться! Прощай!

Он низко поклонился, вышел из ограды, накинув на место цепь, пошел к выходу из кладбища.

Водка понемногу начинала действовать.

Его немного покачивало. Не хватало еще в «мыльник» загреметь, менты сейчас так и пасут выпивших, будто нет у них другой работы. Надо немного прогуляться здесь.

Он еще с полчаса побродил по кладбищу, а потом уже направился к трамвайной остановке.

Подходя к дому, Рыбанов увидел «Опель» Горчака, соседа по подъезду. Моисея Иосифовича знали все жильцы дома, если не района. Он был известным в городе адвокатом, и многие обращались со своими бедами именно к нему. Человек по натуре добрый и отзывчивый, Горчак никому и никогда не отказывал в посильной помощи. За что и пользовался уважением как человек, а также авторитетом как професси-

онал высокого уровня.

Но сейчас у адвоката, судя по всему, возникли проблемы.

И заключались они в том, что к Горчаку прицепились трое молодых парней из категории уличных бандитов-бес-предельщиков.

Уже издали Николай услышал:

– Тебе, жидовская твоя морда, кто тут тачку поставить разрешил, а? Это наша территория, и мы решаем, кому, где и что ставить! Разворовали, суки, страну, на какие «бобы» ты иномарку новую взял?

Один из парней несколько раз ударил по крылу машины.

Второй, ростом повыше, но с такой же неотличимой мордой, подначивал подельника:

– Да чего ты там, в натуре, выстави его на бабки – и весь базар, чего канитель с этим жидом разводить? Пятьсот баксов штрафа!

Третий из отморозков угрожающе приблизился к Горчаку.

– Ну ты че, скунс вонючий, будешь платить? Или нам твоей еврейской мордой отрихтовать «Опель»?

Николай ускорил шаг.

– Ребята, – мямлил Горчак, – нет у меня таких денег, нет! Ни с собой, ни дома!

– У вас, евреев, никогда ни хрена нет! Знаем вашу породу! Короче, Гном, снимай с тачки магнитолау и колонки, а ты, Моцик, бумажник его посмотри. Права и паспорт забери,

потом выкупит, жидовская морда!

В это время к ним подошел Рыбанов. Наглость парней, на виду у всех, днем, безнаказанно грабящих и унижающих пожилого человека, взбесила его. Чему способствовало и выпитое ранее спиртное. Николай крикнул троице отморозков:

– Эй! Чмыри болотные! Чего к человеку пристали?

– Че??? – обернулся к Рыбанову старший бандит. – Это кто тут вякать вздумал?

– Столб тебе в очко, придурок! – ответил Николай. – И с тобой, мудака, не вякают, а пока еще разговаривают!

На такой выпад неизвестного мужчины отреагировала вся троица.

– Ты че, мужик, в натуре? Оборзел никак? В жало захотел?

Рыбанов завелся не на шутку, предупредил: – Короче так, козлы, через минуту не слиняете, асфальт лизать заставлю.

Тот, кого в кодле звали Гномом, обратился к старшему:

– Бань? Это еще че за заморочки? Ты слыхал базар этого ублюдка?

– Я все слышал, – прошипел змеей Баня. – Сейчас эта падала ответит за слова, делаем его, пацаны!

И троица двинулась на Николая.

За своей машиной спрятался перепуганный Горчак.

Рыбанов же спокойно поставил сумку за бордюр стоянки, приготовившись к отражению нападения. По опыту он знал, что эти дутые качки серьезной опасности как бойцы не

представляют. И больше мастера трепать языком, чем действовать. И нападают они стаяй, как намереваются сделать это сейчас. В этой стае их и слабость. Один рассчитывает на другого, конкретной цели не имея. Как с таким противником бороться, бывший спецназовец знал.

Стоило троице сблизиться с ним до расстояния удара, Николай сам перешел к нападению.

Ударом ноги в голень он свалил Баню. Тут же растопыренной ладонью нанес удар в глаза Гнома, который с воем от резкой боли опустился к подельнику.

Третий, Моцик, успел взмахнуть рукой в попытке попасть в лицо Рыбанова. Но Николай отбил эту попытку и прямым ударом в челюсть послал бандита в глубокий нокаут. Схватив старшего за ворот джинсовой рубахи, рывком поставил его на ноги и спросил:

– Делаем его, говоришь? Ну и как, сделали?

Баня дернулся в попытке освободиться, но получил удар головой в лицо, опрокинулся на асфальт, заливая его кровью.

Осмотрев поле битвы, Николай сказал:

– Вот такие дела! – и уже громче: – Моисей Иосифович! Выходите, угроза миновала!

Горчак прекрасно видел, как сосед расправился с тремя крепкими с виду парнями, и смотрел на Рыбанова с уважением и восхищением.

– Да, вот что значит уметь драться! А я как нюня, расте-

рялся, испугался и не знал, что и делать. Да и кто учил меня драться? У нас это не принято. А вы их ловко, Николай, обезвредили! А они, извините... того, живы?

Рыбанов усмехнулся:

– А что, вы предпочли бы увидеть их трупы?

– Что вы, что вы? Конечно, нет, упаси господь!

– Живы и скоро оклемаются, мы с их главарем беседу короткую проведем, и пойдут эти засранцы залечивать свои раны.

Действительно, минут через пять бандиты поднялись с асфальта.

Баня держал у носа платок, останавливая обильно идущую кровь. Гном, весь в слезах, наконец проморгался и смотрел на окружающий мир красными, воспаленными глазами. Моцак держался рукой за сломанную челюсть.

Николай приказал Гному и Моцаку:

– Вы, двое, быстро свалили со двора!

Бандиты послушно удалились.

Баня же ждал, что предпримет этот мужик, без напрягов набивший морды им всем, и молчал. От бывшей бандитской удали не осталось и следа.

Николай подошел к нему:

– Ты хоть знаешь, дурак, на кого наехал? Нет? Тебе без разницы? А вот сейчас этот жид, как ты его называл, позвонит своей «крыше», и ты пожалеешь, что на свет появился, жертва аборта! Это же знаменитый адвокат! Его весь крими-

нал города знает, чучело! Благодарю бога, что я вступился за него, иначе уже сегодня вечером всю вашу троицу в реке, как котят, утопили бы. Ты понимаешь, что я говорю, есть, чем понимать?

– Понимаю!

– Тогда вали отсюда, и мой тебе совет, обходи этот двор, и особенно еврея, за километр. Если, конечно, жить хочешь! Пшел вон!

Баня развернулся, продолжая держать промокший насквозь кровью носовой платок, слегка хромая, двинулся вслед подельникам.

Горчак, слышавший разговор Николая с бандитом, спросил:

– А про какую «крышу» вы ему говорили? У меня нет ничего подобного. Знакомые среди авторитетов преступного мира есть, но это связано с моей работой, и не более.

– Эти-то знакомства, Моисей Иосифович, и называются «крышей»!

Пожилой еврей задумался. Проговорил:

– Я хотел сегодня машину здесь на ночь оставить, а если эти вернутся и сожгут, чтобы отомстить?

– Эти сюда больше не вернутся, но могут появиться другие! Так что «Опель» все же лучше отогнать на платную стоянку, чтобы спать спокойно.

– Да, вы правы, я так и сделаю! Скажите, Николай, чем и как я могу отблагодарить вас за заступничество?

– Перестаньте, Моисей Иосифович. Мы же люди, а не звери, и должны помогать друг другу!

– Спасибо вам, Николай!

– Не за что! В другой раз постарайтесь успеть по сотовому телефону милицию вызвать!

– Да, да, конечно, я об этом как-то забыл! Все произошло так внезапно!

Николай поднялся к себе в квартиру, на третий этаж.

И тут же грянул гром. Неожиданным, мощным разрывом артиллерийского заряда. По стеклам забарабанили первые крупные капли начинающегося дождя.

Скоро он усилился, и над городом вовсю запылаха гроза.

Вовремя он вернулся.

Рыбанов достал бутылку водки, купленную бомжом с кладбища, открыл ее. Выпил сто пятьдесят граммов, перекусил консервами.

Вышел на лоджию. Смотреть, как вокруг беснуется природа.

Ветер гнул деревья, его береза тоже отчаянно металась под порывами ветра.

Сверкала молния, и тут же ее зигзаги сопровождались оглушительными раскатами грома. Косой ливень, настолько сильный, что Рыбанов не видел дома напротив, до которого было метров двести, бил в окна.

Он стоял, защищенный от потоков воды балконной ра-

мой, и смотрел на эту беснующуюся стихию.

Стоял, ни о чем не думая, ничего не вспоминая, не строя никаких планов на будущее. Просто стоял и смотрел на грозу!

ГЛАВА 3

В же это самое время в пригородном особняке некий Руслан Габрелия – хозяин усадьбы – вызвал к себе в кабинет жену Аллу и падчерицу Ларису, девушку семнадцати лет.

Когда мать с дочерью вошли к строгому мужу и отчиму, тот предложил им присесть:

– Садитесь в кресла, разговор у нас предстоит короткий, но обстоятельный, во многом меняющий обычный уклад нашей жизни.

Хозяин дома и семьи встал из-за рабочего стола, прошелся по обширному кабинету, обдумывая, с чего начать. Он подошел к супруге:

– Алла! Ты должна быть готова к тому, что скоро дочь нас покинет!

– Что??? – в один голос, в крайнем удивлении, воскликнули мать с дочерью.

Габрелия поднял руку:

– Лара, помолчи, с тобой разговор особый будет, а тебе, женщина, – повернулся он к жене, – повторяю: дочь в ближайшие дни покинет нас! Она станет женой одного почтенного и обеспеченного человека. И не пытайся возражать. Так решил я! А значит, так оно и будет! Не скули, а лучше займись подготовкой Ларисы к отъезду! Дорога ее ждет долгая, а жизнь счастливая!

Алла попыталась что-то сказать мужу, но тот грубо прервал ее:

– Ты не поняла меня, женщина? Или забыла, что в семье все вопросы решает только мужчина? Иди! Оставь нас с Ларой!

Алла послушно поднялась и, вытирая наполнившиеся слезами глаза, вышла из кабинета.

Когда-то, когда она жила еще в Грозном, мирном центре Чечено-Ингушетии, ей, девушке, чьи родители умерли в раннем возрасте, воспитанной бабушкой по отцовской линии, жить было нелегко. Она рано вышла замуж. Но супруг вскоре, без предупреждения, неожиданно ушел от нее, переехав куда-то на Кубань. Оставив ее в маленькой комнате общежития пожарной части, где служил раньше, с двухмесячной дочерью на руках и практически без средств к существованию. Она осталась подло брошенной, но не потерявшей былой красоты и привлекательности. Это пришлось по вкусу одному молодому горцу, абхазцу по национальности. Руслан, так звали горца, начал ухаживать за Аллой, и это нравилось молодой женщине. Она не любила его, но жизнь поставила ее в такие условия, что без посторонней помощи она просто бы не выжила.

Через год он сделал ей предложение. Тогда еще смешанные браки не были редкостью, и родители Руслана, не без некоторого сожаления, благословили молодых, несмотря на то что у невестки уже был ребенок. Казалось, все складыва-

ется неплохо, но Руслан после скромной свадьбы резко изменился. Алла из «необыкновенного, цветущего бутона розы», как раньше называл ее жених, превратилась просто в «женщину»!

По-другому муж к ней больше почти не обращался.

На окраине города отец Руслана построил молодой семье небольшой дом, где муж стал полновластным хозяином, подчинив Аллу своим законам. А супруг жил своей жизнью. Он являлся домой поздно, целыми днями занимаясь чем-то на центральном рынке. Требовал ужина, курил анашу и терзал ее молодое тело, извращаясь, как хотел!

Не такой жизни ждала от Руслана Алла, но что-либо принять не могла.

Однажды она решилась высказать мужу все, что думает по поводу их брака, и пригрозила, забрав дочь, уйти от него!

Руслан, выслушав ее, криво усмехнулся, вытащил из ножен длинный и острый кинжал, подошел к Алле, одним взмахом рассек ей щеку. Затем, подставив к горлу острие клинка, спокойно, словно так и должно быть, произнес:

– Это тебе, дорогая, за то, что забыла свое место в семье, где все решаю только я. А насчет ухода? Надо будет, я сам вышвырну тебя отсюда вместе с твоим выродком. До этого ты будешь жить по моим законам! И если ты еще раз осмелишься завести подобный разговор, я просто отрежу тебе голову. Запомни то, что я тебе сказал, на всю жизнь: ты, как и твоя дочь, мои рабы, не более того. Без меня вы давно бы

сдохли в сточной яме, нищенки!

Он вложил кинжал в ножны, разрешил ей обработать рану, из которой хлестала кровь; к врачу, однако, не отпустив и не вызвав того. С этого дня безобразный шрам постоянным предупреждением «красовался» на лице женщины!

И хотя рабыней Руслан называл и Ларису, но относился к ней лучше, чем к матери. Может, оттого, что своих детей супруги так и не смогли завести? А может, по какой другой причине, но как бы то ни было, отчим относился к падчерице строго, однако не жестоко, иногда даже балуя подарками!

Алла же со временем смирилась с участью обычной прислуги и не возмущалась даже тогда, когда Руслан выгонял ее в комнату дочери, а сам проводил ночь с другой женщиной. И делал он это часто и открыто! Пока не подросла Лариса.

Как только ей исполнилось десять лет, Руслан стал уходить из дома и иногда пропадал на стороне неделями. И жили бы они так, но тут разразилась первая чеченская военная кампания.

Муж Аллы, как истинный горец, пошел служить Дудаеву. Но недолго продолжалась его боевая карьера. Вскоре он был взят в плен. К счастью для него, ничего кровавого Габрелия совершить не успел, да и многочисленные просьбы Аллы сделали свое дело. Руслана отпустили. И он, быстро собравшись, ничего толком не объяснив, уехал из родного дома. Габрелия отсутствовал почти год. Алла думала, что и второй муж просто бросил ее, и это было бы облегчением

для несчастной женщины. Но он вернулся! Как-то поздней ночью Руслан постучал в окно своего дома. Приказал жене и падчерице собираться в дальнюю дорогу. Наутро они были уже в пути.

Остановились в Переславле, где Габрелия за период своего отсутствия сумел наладить собственное дело и купить квартиру. Жизнь изменилась, но только не в отношении Аллы. Она как была прислугой, так ей и осталась. За любое, случайно брошенное слово, которое не нравилось мужу, тот ее жестоко избивал. На улицу она не выходила. А скоро они переехали в пригородный дом, вся забота по которому легла на ее плечи. Муж же, связавшись с какой-то темной компанией, продолжал дикие оргии с местными проститутками, забыв об Алле как о женщине навсегда, как забывают о старых, отслуживших свой срок вещах, еще пригодных для грязной работы. Алла продолжала и в центре России оставаться рабыней. И жила одним – заботой о дочери! Габрелия строго следил за ее воспитанием, образованием и поведением, иногда потакая ее скромным прихотям. Как ни странно, Руслан даже не воспротивился знакомству падчерицы с молодым парнем из необеспеченной семьи! Знать бы, что готовил этот монстр!

Но он был скрытен, и все для Ларисы складывалось неплохо, пока не наступил сегодняшний проклятый вечер, принесший новость, от которой у Аллы острым клинком пробило сердце. И уходя из кабинета мужа, Алла не чувствовала се-

бя. Без Ларисы ее жизнь в этой золотой клетке теряла всякий смысл!

Оставшись наедине с падчерицей, Габрелия долго молчал, отвернувшись в кресле к окну, зашторенному паутиной дорогой тюли.

Лариса, сжавшись в комок, ждала, что еще ей скажет отчим. Как это так? Без ее согласия решить ее же судьбу? И у нее уже есть парень, о котором отчим прекрасно знал! Как сказал он? Незнакомый жених из почтенного и обеспеченного рода? Да, именно, РОДА! Значит, он нерусский? Какой-нибудь, такой же похотливый, как и Габрелия, земляк отчима? Нет! Она не желает стать женой кавказца, с их дикими обычаями. Насмотрелась, что сделал с матерью богатый и почтенный горец! Она русская девушка и выйдет замуж только за своего парня, Сережу, которого любит и который любит ее! Какой может быть другой мужчина?.. Но решила пока молчать. Главное – переговорить с Сережей, может, он придумает что-нибудь? И с мамой следует посоветоваться. Злить отчима не следует.

Габрелия повернулся к столу, устремив безжалостный взор на падчерицу. Начал разговор вопросом:

– Лариса? Ответь мне, тебе плохо жилось в семье?

– Нет, но мама...

– Не о матери речь, я спрашиваю о тебе лично. Не все ли ты имела из того, что хотела?

– Я жила обеспеченно!

– Обеспеченно! – повторил за ней Габрелия. – Правильный ответ. Точный. Обеспеченно во всем!

Он ненадолго замолчал, забивая в трубку табак. Раскурив ее, продолжил:

– Я знаю, что у тебя есть парень. Из бедной русской семьи.

– Да, есть, и мы любим друг друга.

Руслан Габрелия сморщился, словно его пронзила зубная боль:

– Любите, да? Ты была у него дома?

– Была!

– Тебе в нем понравилось? Тебе пришлось по душе нищета, царящая в нем?

– Не это главное, папа!

Габрелия с детства приучил падчерицу называть его отцом и обращаться к себе соответственно.

– Вот как? С нищим и в шалаше рай, да?

– Да!

– Эх, Лариса, ты молода, красива, но глупа! Ответь мне еще на один вопрос, а что такое, собственно, любовь?

– Я... я... не могу выразить это чувство словами, но ты и сам не имеешь ответа на свой вопрос, не так ли?

– Как раз наоборот, я-то его имею, а вот ты – нет! И не будем тратить время на пустяки. Перейдем к главному! Послезавтра, 23-го числа, нас навестит один человек. Я решу с ним кое-какие вопросы, ну а потом, в тот же день, ты уедешь с ним! Чтобы вскоре стать его женой и наследницей мно-

гомиллионного состояния. Единственной наследницей! Там, куда попадешь, ты узнаешь, что такое настоящая роскошь! Ты не мать, это она поставила себя в положение рабыни. О ней забудь, думай о себе! Поведешь себя правильно, станешь принцессой! А я помогу тебе в этом и не позволю никому обидеть свою дочь!

Он положил трубку, выбив из нее пепел на листок бумаги, который, свернув, бросил в мусорную корзину. Вновь посмотрел змеиным взглядом в глаза падчерицы.

– Вижу, как ты возмущена, вижу, что хочешь многое сказать мне, но... я не желаю ничего слушать и замечать!

Габрелия повысил голос:

– И будет так, как я скажу! Ты станешь женой того человека, которого выберу я. Для твоего же блага, ибо сейчас ты не в состоянии принять правильное решение. Тобой правят эмоции, а должен главенствовать разум!

Лариса, наклонив голову, проговорила:

– Я подчинюсь тебе, папа, но позволь последние дни провести с Сережей?

Габрелия встал из-за стола, прошел к бару, налил себе рюмку дорогого французского коньяка, смакуя, мелкими глотками, выпил его.

– Лариса! Я мог бы до прибытия высокого гостя запереть тебя дома, но я не сделаю этого. Я пойду тебе навстречу! Ты можешь встретиться со своим парнем. У вас для этого есть сегодняшний вечер и завтрашний день. Попрощайтесь, раз-

решаю. Но не вздумай переспать с ним! Если в дальнейшем окажется, что ты выходила замуж не девственницей, скрыв это, — по нашим обычаям, я лично вынужден будет смыть позор кровью, твоей кровью!

— А если я уже не девочка? — спросила Лариса.

Взгляд Габрелии прострелил девушку.

— Ты решила поиграть со мной? Я сейчас же вызову врача, и мы все быстро узнаем, но тогда твоему Сереже сегодня же отрежут член, а замуж ты выйдешь все одно! Только принцессой уже не будешь, а превратишься в подстилку, как твоя мать!

Он поднял со стола сотовый телефон.

— Мне вызывать гинеколога?

— Не трудись понапрасну! К сожалению, я не успела...

Габрелия облегченно вздохнул:

— А может, Лара, тебе не надо встречаться с этим нищим? Достаточно будет телефонного разговора?

— Нет, папа, я должна все ему объяснить... раз так сложилось, да и ты обещал...

— Хорошо, хорошо, вызывай своего Сережу сюда. Объясняться и прощаться будете здесь, в нашем парке. Так спокойнее мне. Все! Иди!

Лариса поднялась из кресла, гордо, в отличие от матери, подняв голову, вышла из кабинета.

Отчим проводил ее похотливым взглядом. Почему Алла не оказалась такой же, как дочь? И жизнь бы сложилась ина-

че, и прожили бы вместе еще лет двадцать. А так... сама же и встала на край могилы. Зачем ему, полному сил и богатому Руслану какое-то забитое существо, которое и женщиной назвать можно лишь условно? Ему нужны такие девочки, как Лариса! И они у него будут! А вот Алле больше нет места в жизни. И как только падчерица уедет в гарем Юсупа, князя Когоева, он поставит точку в существовании бывшей жены.

Гаврелия вызвал своего помощника-земляка: надо установить наблюдение за Ларисой и ее влюбленным щенком.

– Муумин?

– Да, хозяин?

– Зайди ко мне в кабинет!

– Слушаюсь!

Проинструктировав подчиненного, Руслан отпустил его со словами:

– Смотри, Муумин! Пацан приезжает-уезжает, Лариса остается. Держать обоих под постоянным контролем. Если что случится, то жизнь твоя тогда оборвется! Судьбу пацана решим, когда передадим Ларису Юсупу. Свободен!

Муумин вновь поклонился, пятясь, как это было принято здесь, покинул кабинет, аккуратно закрыв за собой двери.

Лариса же спустилась в комнату матери.

Дернула за ручку, та была закрыта.

Девушка позвала:

– Мама, открой! Это я!

– Доча?.. Подожди, милая, немного, я сейчас открою!

В комнате послышалось какое-то движение. Дверь отворилась.

Лариса сразу обратила внимание на то, как бледна и беспокойна мать.

— Что с тобой, мама? Ты так сильно расстроилась?

Алла выглянула в коридор, убедилась, что кроме дочери в нем никого нет, пригласила:

— Заходи, Лара!

Лариса вошла в скудно обставленную комнату. Мать усадила ее в кресло у окна, сама опустилась на колени перед дочерью:

— Ты прости меня, Лариса, что устроила тебе судьбу такую... не перебивай, пожалуйста... я хотела, как лучше, а вышло вот как! Послушай мать свою! Этот... отчим твой, Габрелия, разрешил тебе последнее свидание с Сережей?

— Да! И сегодня вечером, и завтра! Правда, здесь, под его контролем. Я не хочу уезжать в неизвестность, мама, я не хочу жить с каким-то Юсупом, я не хочу оставлять тебя одну, и я люблю Сережу!

— Тише, дочка, здесь и стены имеют уши! Знаю я все и понимаю тебя, потому послушай моего совета. Но перед этим, подожди...

Мать встала, прошла к шифоньеру, недолго покопалась в белье, достала свернутые спортивные брюки. Развернула их. Внутри лежал газовый револьвер, пачка долларовых купюр разного достоинства, перстень с рубином, еще несколь-

ко драгоценных украшений.

Лариса удивленно смотрела на действия матери, ничего не понимая.

— ...Дочка, возьми все это. И сегодня же вечером, слышишь, сегодня же, беги с Сережей отсюда. Бегом, через лес к трассе! Ближе к посту ГАИ. И через центральный вход. Сергей должен из газового пистолета вывести из строя охрану и забрать боевое оружие. Тогда отчим не пошлет погоню.

— Почему?

— Потому, что до поста не далее километра, и если Сережа выстрелит из автомата вверх, это услышат милиционеры, которые тут же поднимут тревогу. Габрелия испугается шума! А вы за постом ловите попутку, и в город. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Деньги помогут вам на первое время, продадите драгоценности. Ну а дальше все в руках господ! Будет трудно, идите в ФСБ. Только в ФСБ. Не вздумайте в милицию, там у него свои люди. Главное, сегодня же беги отсюда, дочка, иначе завтра может оказаться поздно, и ты станешь такой же рабыней, как и я. Отчим продает тебя, преследуя свои цели. Ему и семья-то русская нужна была, чтобы обосноваться здесь, в России. И здесь творить дела свои грязные. Ты поняла меня, Лариса?

— Я все поняла, мама! А как же ты?

Алла встала, подошла к окну, замерла перед ним, вглядываясь куда-то в даль, тихо проговорила:

— За меня, дочка, не волнуйся. Со мной хуже, чем было,

уже не будет...

Она повернулась к дочери.

– Иди ко мне, родная!

– Мама!

Они обнялись, навсегда прощаясь в этой жизни!

– А теперь иди! И, прошу, сделай так, как я сказала тебе!

Только таким образом ты спасешь и свою жизнь, и жизнь Сережи. И дай вам бог всегда быть вместе! Прожить жизнь счастливую и долгую! Прощай, кровинушка моя, прощай!

– Мы разве больше не увидимся, мама?

– Нет!

Категоричность ответа испугала Ларису. Она посмотрела в глаза матери и... увидела в них мертвую пустоту. В глазах не было жизни, и дочери стало еще страшнее.

Но мать уже почти силком вытолкнула ее в коридор, передав оружие, деньги и драгоценности:

– Иди, дочка. Прости меня за все!

– Мама!

Но Алла, захлопнув дверь, не ответила, закрыла лицо руками и зарыдала.

Лариса бегом скрылась в своей комнате.

Там она, закрыв дверь, переоделась в широкого покроя спортивный костюм, разложив предметы и деньги в его глубокие карманы, вышла на улицу.

Из беседки, по сотовому телефону, набрала знакомый номер.

– Да? – тут же ответил Сергей.

– Сережа, ты извини, раньше позвонить не могла, у меня небольшие проблемы.

– Проблемы? Мы встретимся сегодня?

– Да, если только ты сможешь приехать ко мне в загородный дом.

– Что-нибудь случилось?

– Да! И встретиться мы можем только здесь! Или нигде и никогда! Ты понял меня, Сережа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.